

УДК 811.161.1:165.194.398

Е.В. Климова

КОНЦЕПТ «ПОЛЕ» В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОР

О.В. КЛИМОВА. КОНЦЕПТ «ПОЛЕ» У МОВИ РОСІЙСЬКОГО ФОЛЬКЛОРУ.

Стаття присвячена дослідженню репрезентації концепту «поле» у мові російського фольклору. Особлива увага приділяється етимології імені концепту, аналізу семантики слова «поле» та його етимону «полюй» у давньоруській мові, визначаються їхні базові семи: 'відкритість', 'свобода', 'порожнеча'. Двома основними лексико-семантичними варіантами лексеми «поле» визнаються значення 'безліса рівнина' й 'оброблювана ділянка землі', які корелюють із двома умовно антонімічними значеннями слова «полюй»: 'відкритий навстіж' і 'порожній усередині'. На матеріалі текстів ліричної та обрядової поезії, чарівної казки й замовляння здійснюється верифікація тези щодо проміжного положення поля на семіотичних шкалах «дім – ліс» і «свій – чужий простір», виявляються кореляції даних опозицій за значеннями слів «поле» й «полюй». Виділяються й аналізуються сюжетно-тематичні групи контекстів, що містять ім'я концепту та його функційні еквіваленти у варіантах одного твору або у різних творах, визначаються подібність і специфіка репрезентацій концепту в розглянутих фольклорних жанрах. Досліджуються семантика й функції постійного епітету «чистое». Виявляється структура фольклорного концепту «поле»: він являє собою гіперконцепт, що містить два взаємопов'язані субконцепти – поле окультурене й дике. Єдність гіперконцепту забезпечується реалізацією в обох субконцептах базових сем імені концепту, стійким зв'язком із семантикою межі – в аспектах обмеженості або межовості, а також уживанням постійного епітету «чистое» зі словом «поле» в усіх його мовних і фольклорних значеннях.

Ключові слова: концепт, простір, семіотичні опозиції, фольклорні жанри, лексико-семантичні варіанти, постійний епітет.

Е.В. КЛИМОВА. КОНЦЕПТ «ПОЛЕ» В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОР.

Статья посвящена исследованию репрезентации концепта «поле» в языке русского фольклора. Особое внимание уделяется этимологии имени концепта, анализу семантики слова «поле» и его этимона «полюй» в древнерусском языке, определяются их базовые семы: 'открытость', 'свобода', 'пустота'. Двумя основными лексико-семантическими вариантами лексемы «поле» признаются значения 'безлесная равнина' и 'обрабатываемый участок земли', которые коррелируют с двумя условно антонимичными значениями слова «полюй»: 'открытый настезь' и 'пустой внутри'. На материале текстов лирической и обрядовой поэзии, волшебной сказки и заговора осуществляется верификация тезиса о промежуточном положении поля на семиотических шкалах «дом – лес» и «свое – чужое пространство», выявляются корреляции данных оппозиций со значениями слов «поле» и «полюй». Выделяются и анализируются сюжетно-тематические группы контекстов, содержащие имя концепта и его функциональные эквиваленты в вариантах одного произведения или в разных произведениях, определяются сходство и специфика репрезентаций концепта в рассматриваемых фольклорных жанрах. Исследуются семантика и функции постоянного эпитета «чистое». Выводится структура фольклорного концепта «поле»: он представляет собой гиперконцепт, содержащий два взаимосвязанных субконцепта – поле окультуренное и дикое. Единство гиперконцепта обеспечивается реализацией в обоих субконцептах базовых сем имени концепта, устойчивой связью с семантикой границы – в аспектах ограниченности или пограничности, а также употреблением постоянного эпитета «чистое» со словом «поле» во всех его языковых и фольклорных значениях.

Ключевые слова: концепт, пространство, семиотические оппозиции, фольклорные жанры, лексико-семантические варианты, постоянный эпитет.

© Е.В. Климова, 2020

doi.org/10.34142/2312-1572.2020.01.71.08

E. KLIMOVA. THE CONCEPT «FIELD» IN THE LANGUAGE OF THE RUSSIAN FOLKLORE.

The article studies the representation of the concept «field» in the language of the Russian folklore. The research focuses on the etymology of the direct nomination of the concept, on semantics of the word «поле» and its etymon «польй» in Old East Slavic; their primary semes 'openness', 'freedom', 'vacancy' are defined. There are two basic meanings of the lexeme «поле»: 'a large area of flat land' and 'an area of land used for farming'. They correlate with two conditionally antonymic meanings of the word «польй»: 'wide-open' and 'having empty space inside'. On the basis of lyric and ritual poetry, fairy tale and incantation texts the author verifies the thesis about an intermediate location of a field on the semiotic scales «a home – a forest» and «an own space – a strange space»; the correlations between these oppositions and meanings of the words «поле» and «польй» are discovered. Subject and topical groups of contexts with the direct nomination of the concept and its functional equivalents in variants of the same text or different texts are determined; the similarity and peculiar features of concept's representation in explored folklore genres are analysed. The semantics and functions of the constant epithet «чужое» are investigated. The author reveals the structure of the folklore concept «field»: it is a hyperconcept which contains two interlinked subconcepts – a savage field and a farmed field. The unity of the hyperconcept is supported by realisation of the primary semes of the direct nomination of the concept in both subconcepts, by stable link with semantics of a limit and also by using the constant epithet «чужое» with the word «поле» in all its linguistic and folklore meanings.

Key words: concept, space, semiotic oppositions, folklore genres, lexical semantic variants, constant epithet.

Современная лингвофольклористика развивается в рамках антропоцентрической парадигмы, что определяет её ориентацию на человека как создателя фольклорных текстов, выявление особенностей их функционирования в определённых коммуникативных ситуациях, изучение фольклора в миромоделирующей функции. Актуальными задачами современной лингвофольклористики являются исследование фольклорного сознания, реконструкция фольклорно-языковой картины мира. Продуктивным способом такой реконструкции представляется исследование фольклорных концептов.

Одним из значимых для русской народной культуры концептов является концепт «поле». Ввиду включённости в парадигмы частотных локусов, локус поля неоднократно становился предметом изучения, однако исследования проводились в рамках отдельных жанров: волшебной сказки [7], волшебной сказки и былины [13], заговора [1], баллады [9]. В указанных трудах выявляются отдельные признаки концепта «поле» без учёта особенностей его языковой репрезентации и, по причине ограниченности материала одним-двумя жанрами, не осуществляется анализ жанрово обусловленных и константных признаков концепта.

Как известно, архаичные жанры фольклора формировались в рамках мифологического типа мышления, для которого характерно мифопоэтическое восприятие пространства. В структуре мифопоэтического пространства выделяются сакральный центр и профаническая периферия, связанные сюжетом пути [15, с. 233, 258–260]. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров отмечают, что при горизонтальной организации пространства путь соединяет семиотически маркированные зоны дома и леса, соотносимые с основной для мифологического сознания оппозицией «своё – чужое». При этом между полярно противопоставленными домом и лесом, «своим» и «чужим» пространством выделяется промежуточное звено – поле, находящееся на границе близкого и далёкого, освоенного и неосвоенного, безопасного и опасного [5, с. 175].

В отличие от детально изученных концептов «дом» и «лес» (см., например, [2; 9]), концепт «поле» до сих пор не становился предметом специального исследования, чем и определяется актуальность настоящей работы. При этом тезис о промежуточном положении локуса поля и амбивалентности его оценок в общеславянской картине мира нуждается в верификации на материале нескольких различных жанров фольклора.

Целью настоящей статьи являются реконструкция концепта «поле» в фольклорно-языковой картине мира в корреляции с семантикой лексем – репрезентантов концепта и верификация тезиса о единстве характеристик исследуемого концепта как общеславянского феномена.

Материалом для исследования послужили данные этимологических и толковых словарей [11; 14; 16], тексты лирической и обрядовой поэзии из «Собрания народных песен

П.В. Киреевского» [12], волшебных сказок из сборника «Библиотека русского фольклора» [10], заговоров из сборника «Великорусские заклинания» Л.Н. Майкова [3].

Слово *поле* имеет праславянское происхождение. Оно было образовано с помощью суффикса *-j-e* от древнего прилагательного *поль* 'открытый', 'пустой', 'свободный' [16, с. 314]. Следовательно, первичной была семантика открытости как «внешней пустоты», из чего следует формирование значения широты, уходящей в бесконечность обширности.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. приводятся следующие значения лексемы *поле*: 1. «Плоское открытое место, равнина» || «Свободное пространство вокруг города, крепости» || «Безлесная местность»; 2. «Степь»; 3. «Пастбище, выпас»; 4. «Поле, нива; участок обрабатываемой земли»; 5. «Место сражения или расположения войск»; 6. «Место для потешных игр, охоты»; 7. «Поединок как способ разрешения судебной тяжбы; место, где совершаются такие поединки»; 8. «Узкая полоса по краю листа, полотнища, иконы и т. п., не занятая текстом или основным изображением»; 9. «Шахматная доска» [11, с. 204–206]. Путём компонентного анализа данных ЛСВ можно выделить в семанте *поле* базовые семы: 'открытость', 'обширность', 'недискретность', 'свобода', 'пустота'. Так, поле представляется пустым, свободным пространством, которое по определению не заполнено (значение 8) или может быть заполнено травоядными животными, сельскохозяйственными культурами, войсками, участниками «потешных игр» или поединка, шахматными фигурами и т. д. При этом значения 1 и 2 соотносятся с полем как первозданным природным пространством, а значения 3–7 раскрывают способы взаимодействия человека с этим пространством, использования его для человеческих нужд, то есть понятия дикого и освоенного поля разделяются. В определении окультуренного поля «...**участок** обрабатываемой земли» эксплицируется существенная для данного ЛСВ сема 'ограниченность', а вторичное значение «Узкая полоса **по краю** листа...» выявляет сему 'пограничность'. Отметим, что связь с семантикой границы актуальна лишь для окультуренного поля, а значение дикого поля как открытого и свободного, то есть неограниченного, пространства эксплицирует противоположную семантику. Таким образом, семанте *поле* присуща энантиосемия.

Отдельного внимания заслуживает семантика этимона лексемы *поле* – слова *полюй*. Словарь русского языка XI–XVII вв. даёт следующее толкование: 1. «Открытый; имеющий пролом, проём, свободный для проникновения» || «Незапертый, открытый настежь»; 2. «Свободный, ничем или никем не занятый, не имеющий владельца; пустующий»; 3. «Пустой (внутри), полюй» [11, с. 283]. Очевидно, что основные семы – 'открытость', 'свобода' и 'пустота' – соотносятся с рассмотренной выше семантикой слова *поле*. Однако значению 1, выражающему семантику открытости наружу, разомкнутости, то есть «внешней пустоты», резко противопоставлены значения 2 и 3 с семантикой закрытости, замкнутости и пустоты внутренней. Следовательно, древнерусской лексеме *полюй* также свойственна энантиосемия. При этом значение замкнутости и внутренней пустоты очевидно соотносится со значением лексемы *поле* «обрабатываемый участок земли», а открытости и пустоты внешней – со значением «плоское открытое место» (неокультуренное). Таким образом, взаимно энантиосемичные значения этимона и исследуемой лексемы – имени концепта коррелируют между собой.

В результате анализа текстов лирической и обрядовой поэзии, волшебных сказок и заговоров были выделены сюжетно-тематические группы контекстов, содержащих слово *поле* и его функциональные эквиваленты (в вариантах одного произведения или в разных произведениях).

Во всех рассмотренных жанрах выделяются две группы контекстов, связанные с утилитарно-прагматическим восприятием поля как «своего» пространства. Во-первых, поле является местом сельскохозяйственных работ: «**В чистом поле** гуляла, / Бел лен рассевала» [12, т. 1, с. 49]; «Занимались они [старик со старухой и их сыновья] хлебопашеством; посеяли **в поле** пшенички десятинку» [10, с. 13]; «Морозъ, морозъ, поди къ намъ кисель съ молокомъ хлебать, чтобъ тебе наше жито **въ поле** сберегать, градомъ не бить, червемъ не точить и всему бы **въ поле** целу быть» [3, с. 157]. В таком значении поле представляется замкнутым окультуренным пространством. Функциональными эквивалентами лексемы *поле* в данном значении могут выступать слова *пашня*, *нива*: «Парашенька **пашеньку** пахала, / Широкие борозды метала, / Белую капустку садила» [12, т. 1, с. 87]; «Козел **по полю** летает, / Он мякину выедаёт, / ... Я ухвачу козла за гриву, / Перекину через **ниву**» [12, т. 1, с. 268]. Во-вторых, поле выполняет функцию пастбища: «Как у нашего купца / Много было богатства: / Полтора ста коров, девяносто быков. / **В поле** идут – насили ноги несут, / **С поля** идут – насили шкуру несут» [12, т. 1, с. 123]; «Каждый день

поутру ходит он [Иван] со стадом **в чистое поле**, а вечером назад на королевский двор гонит» [10, с. 209]; «...пошолъ мой скотъ путемъ-дорогою **въ чистое поле** ... во всякой часть мирно зеленую траву есть» [3, с. 120]. Подобные контексты наиболее характерны для лирических песен, отражающих повседневные занятия и переживания человека, а в архаичных жанрах волшебной сказки и заговора, где преобладает мифопоэтическая интерпретация пространства, встречаются редко. Однако утилитарно-прагматические значения поля как зоны «своего» пространства следует признать константным признаком исследуемого концепта.

Поле в значении необрабатываемой безлесной равнины стабильно соотносится с зоной пограничного пространства, что проявляется в сюжете встречи. В лирических песнях чаще изображаются встречи с близкими: «На третий год сын домой пришел. / Устрела мать **среди поля**, / Сестра встрела среди двора, / Жена встрела, сенцы отперла» [12, т. 2, с. 55]. Ср.: «На третий год [молодец] ко двору пришел. / Жена встретила его **среди луга**, / А мать встретила супротив крыльца» [12, т. 1, с. 80]. В двух представленных вариантах песни лексемы *поле* и *луг* являются эквивалентными номинациями максимально удалённого от дома пространства, в котором могут соприкоснуться миры «своего» и «чужого». С полем и лугом соотносится и сюжет, противоположный встрече, – расставание: «Я до тех пор провожала, **до зеленых до лугов**, / До зеленых до лугов, где скончалась любовь» [12, т. 1, с. 127] – в данном контексте очевидно наличие у слова *луга* значения пограничности, соприкосновения с «чужим» пространством, неподвластными человеку силами. Для волшебной сказки характерны эпизоды встречи героя с волшебными помощниками, различными сверхъестественными существами: «Иван вышел **в чисто поле**, свистнул, прибежал серебряный конь. Иван сел, снарядился и рыцарем сделался» [10, с. 145]; «Шел-шел [Иван-царевич], **в чистом поле** стоит хатка на курьих лапках, ... а в хатке лежит Баба Яга...» [10, с. 274]. Второй контекст эксплицирует эквивалентность поля и леса как зоны перехода героя в потусторонний мир (о лесе как переходном пространстве см. [8, с. 40–96]). В заговорах поле также может быть местом встречи протагониста со сверхъестественными силами: «Стану я, рабъ Божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, выйду я **въ чистое поле**. Есть сидитъ **въ чистомъ поле** сама Пресвятая Богородица...» [3, с. 18]. В данном случае поле воспринимается как зона сакрального пространства, и закономерно наличие контекстов типа: «Ты пади, чилавечи, **ва чисто поли**, / Ты молись, чилавечи, самаму Христу» [12, т. 2, с. 23]. Отдельную группу образуют упоминания поля как места битвы – встречи «своих» и «чужих» войск или героя и антагониста: «Француз рано уставаить, жандара возбужаить / ... – Поедемте, жандарята, **во чистое поле**. / Мы посмотрим-поглядимте российскую силу» [12, т. 1, с. 85]; «Съехались они **в чистом поле**, широком раздолье; бой недолго длился: Иван купеческий сын убил арапского королевича» [10, с. 181]. Данное значение характерно для сюжетных песен и сказок, а в перформативных заговорных текстах не наблюдается.

Эпизод встречи нередко вливается в общий сюжет пути, элементом которого становится преодоление полевого пространства: «Вот и **подем** князю ехать – подем было пыльно, / Вот и лесом князю ехать – ему было страшно...» [12, т. 1, с. 129]; «Едет Иван **по полю**. День проезжает и два проезжает – все братьев своих не видит» [10, с. 24]. Сюжет пути и хронотоп дороги являются характерными признаками волшебной сказки. По мнению Е. М. Неёлова, «в волшебной сказке любой образ, связанный с пространственными представлениями, может рассматриваться как путь-дорога. <...> Эта Путь-Дорога в полном смысле слова – судьба сказочного героя» [6, с. 68]. В заговорах, построенных на сюжете пути к мифологическому центру [1, с. 247], поле становится одним из звеньев этого пути, зоной переходного или сакрального пространства. Целевой мифологический центр нередко локализуется в море («Окіяне»), которое может по-разному соотноситься с полем. «...пойду ... **въ чистое поле**, въ восточну сторону, къ **Окіянь морю**; и въ томъ Окіянь море стоитъ столбъ-престоль...» [3, с. 78] – в таком описании *Окіянь море* представляется следующим за полем, более удалённым локусом, который и содержит искомый сакральный центр. Также поле и море (иногда вместе с горой, курганом) могут соединяться в один обобщённый локус, нелогичный с точки зрения обыденного сознания, но выражающий единое семиотическое значение: «На море Окіяне, на поле сеяне, на **высокомъ кургане** стоитъ домъ железный...» [3, с. 69]. В других контекстах эксплицируются отношения поля и моря как целого и части, более широкого и узкого локусов, вложенных друг в друга: «**Въ чистомъ поле** есть **синее море**, на томъ синемъ море тихая заводь, на той на тихой на заводе плаваетъ серый гоголь...» [3, с. 94–95]. Как отмечает Т. А. Агапкина, в заговорах «поле точнее было бы назвать абсолютным пространством (по масштабу равным земле или стороне света), в

значительной мере превышающим море. О нефиксированности, неточности поля в мифологическом пространстве свидетельствует и тот факт, что в отличие от всех остальных элементов ландшафта поле в подавляющем большинстве случаев не имеет имени собственного» [1, с. 253].

В характерных для фольклорных текстов конструкциях символического параллелизма поле становится символом природной среды, противопоставленной человеческой жизни и дому, и содержит основной объект сопоставления: *«Во поле лебедушка кричала, / В тереме Лукерьюшка плакала»* [12, т. 2, с. 43]; *«Какъ эта белая береза стояла во чистомъ поле, не знала ни уроковъ, ни призоровъ, такъ и ты, младенецъ, рабъ Божій (имя рекъ), не знай ни уроковъ, ни призоровъ и будь здоровъ и долголетенъ»* [3, с. 94]. В сказках подобные конструкции обычно не используются, однако соотнесение поля с некультурным, непригодным для человека местом сохраняется: *«В ту же минуту выкололи Тимофею глаза, вывели его за город и оставили в чистом поле»* [10, с. 220]. Антитетичность «полевой стихии» миру людей позволяет признать поле в данном значении зоной «чужого» пространства.

Как неосвоенное далёкое пространство, где могут обитать опасные для человека животные, поле становится локусом страшных событий, местом казни, смерти без погребения: *«На кого жеребь упадет – тому и идти в чисто поле, там змей его и пожрет»* [10, с. 522]; *«...боюсь, боюсь, красна девица, изведешь ли ты меня. / ...Разнесутъ мои ли косточки зверья лютые, / Растаскают по чистом полю черные вороны»* [12, т. 1, с. 83]. Функциональным эквивалентом поля в подобных контекстах выступает степь: *«Что лежит убит добрый молодец / На дикой степи, на Саратовской»* [12, т. 1, с. 144] – некультурность и враждебность места смерти подчеркнуты эпитетом *дикая*. В заговорах поле становится желательным местом локализации персонифицированных болезней: *«Пойдите, грыжи, изъ сеньцей воротми, изъ байни дверьми, въ чистое поле. Въ чистомъ поле есть серъ камень; грызите, грыжи, серый камень»* [3, с. 55]. Следовательно, локус поля моделируется как очевидно «чужое», враждебное человеку пространство.

Во всех рассмотренных жанрах слово *поле* – как окультуренное, так и дикое, в различных контекстуальных и семиотических значениях – регулярно употребляется с постоянным эпитетом *чистое*. В словаре древнерусского языка И.И. Срезневского для лексемы *чистый*, помимо значения «не загрязнённый», указаны значения «редкий, без зарослей» (о лесе), «открытый» (*чистое поле*), «свободный, беспрепятственный» (*чистый путь*) [14, стб. 1532]. Все перечисленные значения реализуют идею незаполненности, открытости, обозримости, недискретности, то есть выявляют корреляцию с семантикой слова *поле* и его этимона *полый*. Следовательно, словосочетание *чистое поле* по сути тавтологично, что соответствует определению А. Н. Веселовским постоянного эпитета – древнейшего вида эпитета, который по своему происхождению представляет собой «бессознательную тавтологию», возникающую для подновления забывшегося изначального значения определяемого слова [4, с. 450]. Регулярное употребление рассматриваемого постоянного эпитета со словом *поле* в его различных значениях подтверждает наличие у обоих основных ЛСВ («плоское открытое место» и «участок обрабатываемой земли») интегрального центрального значения пустоты, незаполненности, открытости, обширности.

Таким образом, концепт «поле» в языке русского фольклора может быть представлен как гиперконцепт, объединяющий в своей структуре два взаимосвязанных субконцепта: поле окультуренное и дикое. Две названные ипостаси концепта представлены в языке двумя основными значениями лексемы *поле* и соотносятся с двоякой семантикой его внутренней формы *полый*: значение «открытый настежь» связано с невозделанной равниной (неогороженной, уходящей в бесконечность), а значение «пустой внутри» – с обрабатываемой землёй (огороженной, замкнутой). Первоначальная сема «пустота» реализуется в двух противоположных векторах – наружу и внутрь и в энантиосемичных значениях открытости и замкнутости. Следовательно, понятийная составляющая концепта «поле» делится на два блока, соотносимых со значениями обрабатываемого участка земли и невозделанной равнины. Реализация одного из этих значений определяет образную и оценочную составляющие концепта – круг образов и ситуаций, с которыми поле связывается в тексте и которые получают определённую эмоциональную окраску и оценочность. Обрабатываемое поле соотносится со «своим» пространством, дикое – с пограничным, «чужим» или сакральным. Во всех рассмотренных жанрах реализуются значения

поля как элемента пути и места встречи (с близкими людьми, волшебными помощниками, антагонистами, различными воплощениями сверхъестественных сил), что эксплицирует семантику переходности, пограничности и подтверждает тезис Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова о промежуточном положении поля на семиотических шкалах «дом – лес», «свое – чужое пространство».

Единство гиперконцепта обеспечивается реализацией в обоих субконцептах базовых сем 'открытость', 'обширность', 'недискретность', 'свобода' и 'пустота', устойчивой связью с семантикой границы – в аспектах ограниченности или пограничности, а также употреблением постоянного эпитета *чистое* со словом *поле* во всех его языковых и фольклорных значениях.

Языковое выражение концепта в большинстве текстов репрезентировано основной лексемой – именем концепта, часто в сочетании с постоянным эпитетом, что объясняется установкой фольклора на стабильность. Номинативное поле концепта расширено за счёт функциональных эквивалентов, в числе которых наблюдаются и семантически несходные понятия (*лес, море Окиянь, курган*). Их сближение обусловлено повышенными семиотичностью и символичностью языка фольклорных текстов.

Несмотря на различия, обусловленные особенностями поэтики и прагматики рассмотренных жанров, концепт «поле» стабильно реализуется в фольклорных текстах и имеет существенное значение, потому может быть признан общеславянским, одним из базовых для русской традиционной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т.А. Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) // Заговорный текст. Генезис и структура. Москва: Индрик, 2005. С. 247–291.
2. Бутерина О.В. Представление концепта «лес» в русских и немецких лингвокультурных источниках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 – теория языка. Саратов, 2008. 26 с.
3. Великорусскія заклинанія Л. Майкова. Санкт-Петербург, 1869. 164 с.
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
5. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). Москва: Наука, 1965. 246 с.
6. Неёлов Е.М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 200 с.
7. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. С. 122–162.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 341 с.
9. Рязанова Е.В. Частные локусы дома в английской и русской народной балладе. *Известия Сарат. ун-та. Т. 9. Серия «Филология. Журналистика»*. Вып. 3. Саратов: Изд-во Сар. ун-та, 2009. С. 56–60.
10. Сказки: Кн. 2 / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. М.: Сов. Россия, 1989. 576 с., 24 л. ил. (Б-ка русского фольклора; Т. 2).
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16: Поднавѣсь – Поманути. М., СПб.: Наука, Нестор-история, 1990. 295 с.
12. Собрание народных песен П.В. Киреевского: Записи П.И. Якушкина: в 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. З.И. Власовой. Л.: Наука, ЛО, 1983–1986.
Т. 1. 1983. 342 с.
Т. 2. 1986. 326 с.
13. Соколова Т.С. Жанровые варианты концепта «пространство» в фольклорных текстах. *Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки»*. № 24 (119). Вып. 12. Белгород: Изд-во Бел. гос. ун-та, 2011. С. 37–43.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 3: Р–Я. СПб., 1912. 1684 стб.
15. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

16. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. К.: Рад. шк., 1989. 511 с.

REFERENCES

1. Agapkina T.A. Syuzhetnyy sostav vostochnoslavnyanskikh zagovorov (motiv mifologicheskogo tsentra) // Zagovornyy tekst. Genezis i struktura. M.: Indrik, 2005. S. 247–291.
2. Buterina O.V. Predstavleniye kontsepta «les» v russkikh i nemetskikh lingvokul'turnykh istochnikakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: spets. 10.02.19 – teoriya yazyka. Saratov, 2008. 26 s.
3. Velikorusskiya zaklinaniya L. Maykova. SPb., 1869. 164 s.
4. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika. M.: Vysshaya shkola, 1989. 648 s.
5. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V.N. Slavyanskiye yazykovyye modeliruyushchiye semioticheskiye sistemy (Drevniy period). M.: Nauka, 1965. 246 s.
6. Neyolov Ye. M. Volshebno-skazochnyye korni nauchnoy fantastiki. L.: Izd-vo LGU, 1986. 200 s.
7. Novik Ye. S. Sistema personazhey russkoy volshebnoy skazki // Struktura volshebnoy skazki. Moskva: Rossiysk. gos. gumanit. un-t, 2001. S. 122–162.
8. Propp V. Ya. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki. Leningrad: Izd-vo LGU, 1946. 341 s.
9. Ryazanova Ye. V. Chastnyye lokusy doma v angliyskoy i russkoy narodnoy ballade. *Izvestiya Sarat. un-ta. T. 9. Seriya «Filologiya. Zhurnalistika»*. Vyp. 3. Saratov: Izd-vo Sar. un-ta, 2009. S. 56–60.
10. Skazki: Kn. 2 / Sost., podgot. tekstov i komment. Yu. G. Kruglova. M.: Sov. Rossiya, 1989. 576 s., 24 l. il. (B-ka russkogo fol'klora; T. 2).
11. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 16: Podnaves – Pomanuti. M., SPb: Nauka, Nestor-istoriya, 1990. 295 s.
12. Sobraniye narodnykh pesen P.V. Kireyevskogo: Zapisi P.I. Yakushkina: v 2 t. / AN SSSR. Int rus. lit. (Pushkin. Dom); Podgot. tekstov, vstup. st. i komment. Z.I. Vlasovoy. L.: Nauka, LO, 1983–1986.
T. 1. 1983. 342 s.
T. 2. 1986. 326 s.
13. Sokolova T.S. Zhanrovyye varianty kontsepta «prostranstvo» v fol'klornykh tekstakh. *Nauchnyye vedomosti. Seriya «Gumanitarnyye nauki»*. № 24 (119). Vyp. 12. Belgorod: Izd-vo Bel. gos. un-ta, 2011. S. 37–43.
14. Sreznevskiy I.I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3 t. T. 3: R–Ya. SPb., 1912. 1684 stb.
15. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. M.: Nauka, 1983. S. 227–284.
16. Tsyganenko G.P. Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: Boleye 5 000 slov. 2-ye izd., pererab. i dop. K.: Rad. shk., 1989. 511 s.

(Статья поступила в редакцию 4 декабря 2019 г.)

Климова Елена Вячеславовна – магистрант филологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. ORCID ID: 0000-0001-6597-8868. E-mail: elena.klim.hr7@gmail.com